

А.П. Кадлубовский

**Очерки по истории древне-
русской литературы житии
СВЯТЫХ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.П. Кадлубовский**
Очерки по истории древне-русской литературы житии святых / А.П. Кадлубовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 404 с.

ISBN 978-5-517-82941-2

ISBN 978-5-517-82941-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые „очерки“ содержатъ результаты моихъ наблюденій надъ памятниками древне-русской агіобіографической литературы. Эти памятники привлекали уже давно вниманіе изслѣдователей; интересъ къ нимъ вызывается ихъ ролью и значеніемъ для древнерусскаго читателя: житія святыхъ составляли для него едва ли не любимый предметъ для чтенія; уже самое количество житій и ихъ списковъ обращаетъ на себя вниманіе: житія составляютъ крупный отдѣлъ каждой рукописной библіотеки; достаточно посмотреть любое описаніе русскихъ рукописей, чтобы убѣдиться въ этомъ. Что касается научнаго изученія житій, то изслѣдователи обращали вниманіе на различныя ихъ стороны: или, во 1-хъ, на приемы и свойства житія, какъ пзвѣстной литературной формы; или, во 2-хъ, на легендарные мотивы, входящіе въ нихъ, интересуясь ихъ происхожденіемъ и литературной исторіей; или, въ 3-хъ, на задачи правоучительныя, которыя ставилъ себѣ біографъ святаго, на содержаніе того нравственнаго назиданія, которое давало читателю житіе, того религиозно-нравственнаго міровоззрѣнія, которымъ оно проникнуто; или, въ 4-хъ, разсматривали житіе, какъ исторической источникъ для изученія известной эпохи. Вопросъ о житіи, какъ литературной формѣ, былъ поставленъ проф. В. О. Ключевскимъ въ его знаменитомъ тру-

дѣ: Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871. Вопросы втораго рода ставилъ себѣ Ѳ. И. Буслаевъ, разъяснявшій нѣкоторыя изъ русскихъ житій легендарнаго содержанія ¹⁾; вопросовъ третьяго рода касался еще Шевыревъ, въ своихъ „Лекціяхъ“ говорившій объ отраженіи въ житіяхъ „чертъ нравовъ общества“ ²⁾: при извѣстномъ религіозномъ направленіи древней литературы и очевидномъ уваженіи, которымъ пользовались среди нея житія, въ нихъ естественно было видѣть памятники, имѣющіе культурно-историческое значеніе, отражавшіе интересы, взгляды, стремленія, идеалы лучшихъ людей эпохи, по крайней мѣрѣ въ области религіозно-нравственной, и стало быть могущіе въ свою очередь служить для опредѣленія религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія эпохи, содержанія ея духовной жизни. Вопросы о міровоззрѣніи, отражающемся въ житіяхъ, касался отчасти и В. О. Ключевскій, въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ своего изслѣдованія; но они не составляли главной его задачи: прежде всего онъ имѣлъ въ виду воспользоваться въ своей книгѣ данными житій для выясненія историческаго процесса колонизаціи сѣверно-русскихъ областей; найдя однако этихъ данныхъ слишкомъ мало, онъ за то дѣлалъ оцѣнку каждаго отдѣльнаго житія, какъ историческаго источника, и опредѣлялъ общіе приемы составленія житій.

Книга проф. Ключевскаго является крупнѣйшимъ вкладомъ въ изученіе древне-русской житійной литературы; особенно вопросъ о формѣ и приемахъ ея былъ окончательно рѣшенъ ею; но въ другихъ направленіяхъ еще остаются вопросы, требующіе разсмотрѣнія и разрѣшенія. Однако въ исторіи изученія данной области литературы названная книга играла особую роль: послѣ ея появленія житія стали пользоваться меньшимъ вниманіемъ,

¹⁾ Статьи, вошедшія въ I томъ „Историческихъ Очерковъ“ 1861 г.

²⁾ Исторія русской словесности¹, IV, 60 (лекція 17-я).

научная разработка матеріала, представляемаго ими, чрезвычайно ослабѣла. Причина этого явленія заключалась уже въ богатствѣ содержанія и въ объемѣ работы почетнаго изслѣдователя, который исчерпалъ и привелъ въ извѣстность почти весь матеріалъ древне-русскихъ житій (и печатный и особенно рукописный), который поставилъ и рѣшилъ много вопросовъ какъ относительно отдѣльныхъ житій, такъ и объ общемъ характерѣ и свойствахъ этой литературы; впечатлѣніе получалось такое, что названный трудъ заканчиваетъ научную разработку предмета; но еще въ большей степени причина этого заключалась въ выводахъ изслѣдователя, въ силу которыхъ дальнѣйшее изслѣдованіе предмета казалось и ненужнымъ: древне-русскія житія были дискредитированы авторомъ въ смыслѣ историческаго источника не только для вопроса о колонизаціи, интересовавшаго его, но и для другихъ вопросовъ по исторіи древне-русской жизни: имъ указана слабая степень, часто полное отсутствіе оригинальности, господство подражательныхъ пріемовъ въ нихъ; указана скудость историческихъ, реальныхъ чертъ, вводимыхъ біографами въ свой разсказъ, замѣна ихъ общими фразами, шаблонными характеристиками добродѣтелей святаго, приуроченными лишь къ тому или другому имени; указано, что житіе не столько являлось историческимъ повѣствованіемъ, сколько предназначалось для чтенія въ церкви или за трапезой и служило главнымъ образомъ цѣлямъ церковнаго назиданія, какъ своего рода поученіе; потому не чертамъ собственно историческимъ, не индивидуальнымъ особенностямъ того или другого святаго придавалось главное значеніе, а общему, идеальному типу подвижника; можно было по готовымъ формуламъ написать житіе святаго, о которомъ не было извѣстно ничего, кромѣ имени и того основнаго содержанія его жизни, что онъ былъ инокомъ и подвижникомъ. Отсюда безжизненность, крайнее однообразіе, господство условно-риторическаго стила—характерныя особенности житій изучающагося г. Ключевскимъ цикла, т. е. сѣверно-русскаго.

Чрезвычайно важная заслуга г. Ключевского и состояла именно въ опредѣленіи *теоріи житія*, какъ особаго литературнаго рода въ древней Руси. Сообразно тому и критическая оцѣнка авторомъ каждаго отдѣльнаго житія, на почвѣ которой онъ выработалъ указанную теорію, заключалась въ выясненіи въ немъ роли элементовъ риторическаго и назидательнаго съ одной и реально-историческаго съ другой стороны.

Детальной критической оцѣнкѣ съ меньшею обстоятельностью подвергнуты имъ были житія сравнительно поздняго происхожденія (со второй половины XVI вѣка) и преимущественно святыхъ отдаленнаго сѣвера; этотъ пробѣлъ старался восполнить г. Яхонтовъ въ своей книгѣ: „Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань, 1881); такимъ образомъ этотъ послѣдній трудъ преслѣдуетъ ту же задачу и, надо сказать, еще усиливаетъ отрицательный взглядъ на житія: тщательное разсмотрѣніе убѣдило новаго изслѣдователя, что нѣкоторыя даже изъ тѣхъ житій сѣверныхъ святыхъ, которыми его предшественникъ готовъ былъ дать сравнительно высшую оцѣнку, въ сущности являются такими же подражаніями, болѣе или менѣе искусно приурочивавшими къ данному свитому выраженію, фразы, цѣлыя тирады изъ болѣе старыхъ житій. Подобные выводы и наблюденія могли еще болѣе ослабить вниманіе къ житіямъ: они оказывались особаго рода стилистическими упражненіями,—не болѣе. Вслѣдствіе этого выходило, что „житія давали меньше для бытовой и народно-поэтической исторіи, чѣмъ можно было бы ожидать“¹⁾.

Надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство, которое въ связи съ указаннымъ задерживало дальнѣйшее изслѣдованіе житійной литературы: громадное большинство ея памятниковъ до сихъ поръ остается неизданнымъ и стало быть не всѣмъ и не легко доступнымъ; при уста-

¹⁾ Акад. А. Н. Пытинъ, Исторія русской литературы, I, 305.

новленіи отрицательнаго взгляда на житія, розыски въ обширномъ рукописномъ матеріалѣ, съ крайнею сомнительною надеждою выйти что нибудь новое, естественно не представлялись особенно пріятными.

Изданіе текстовъ житій также происходило въ большемъ количествѣ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, чѣмъ впоследствии; нѣсколько текстовъ было напечатано тогда на страницахъ „Православнаго Собесѣдника“, „Памятникомъ Старинной Русской Литературы“; въ концѣ 60-хъ же годовъ начато было изданіе Великихъ Миней Четивихъ митрополита Макарія, заключающихъ, между прочимъ, много текстовъ древне-русскихъ житій; къ сожалѣнію, это изданіе до сихъ поръ не исполнено и на четверть. Позднѣе нѣсколько текстовъ вышло въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности; нѣкоторые помѣщались и въ другихъ изданіяхъ, выходили и отдѣльно ¹⁾.

¹⁾ Мнѣ извѣстны изданія житій слѣдующихъ свитыхъ съверной половинны Руси:

- Авраамія Ростовскаго (И. С. Р. Л-ры, В. М. Ч. и отд. изданіе М. И. Соколова);
- Авраамія Смоленскаго (Пр. Соб. 1858, 3);
- Александра Невскаго (И. С. Р. Л-сей, I. V. VII. XV);
- Алексія Митрополита (О. Д. II.);
- Автовія Римлянина (И. С. Р. Л-ры; Пр. Соб. 1858, 2);
- Варлаама Хутыискаго (В. М. Ч.);
- Григорія Пельшемскаго (В. М. Ч.);
- Евфросина Псковскаго (И. С. Р. Л-ры);
- Евѣмїя Новгородскаго (И. С. Р. Л-ры);
- Елеазара Анзерскаго (Пр. Соб. 1860, 1);
- Зосимы и Савватія Соловецкихъ (Пр. Соб. 1859, 2. 3);
- Исаїи Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1);
- Іоанна Новгородскаго (В. М. Ч.);
- Іоны Новгородскаго (И. С. Р. Л-ры; В. М. Ч.);
- Іосифа Волоцкаго (Чт. Общ. Люб. Д. Просв. 1865; В. М. Ч.);
- Леонтія Ростовскаго (Пр. Соб. 1858, 1; Чтенія..., 1893, 4);
- Мартирія Зеленецкаго (И. С. Р. Л-ры);
- Михаїла Клопскаго (И. С. Р. Л-ры; *Некрасовъ*, Зарожденіе національной литературы... Од. 1870);

Что касается пользованія рукописнымъ матеріаломъ, то, кромѣ различныхъ описаній рукописей, значительное пособіе въ этомъ дѣлѣ дано книгою Н. П. Барсукова: *Источники русской агиографіи* (С.-Пб., 1884, изданіе О. Д. П.); составитель книги, на основаніи главнымъ образомъ печатныхъ описаній, далъ списокъ рукописныхъ текстовъ древне-русскихъ житій, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ; той же цѣли отвѣчаетъ (правда, въ незначительной степени) и книга архим. Леониды: *Святая Русь* (С.-Пб., 1891, изд. О. Д. П.).

Если всмотрѣться ближе въ положеніе дѣла, то окажется, что забвеніе житійнаго матеріала и удаленіе его изъ области научнаго изслѣдованія въ рядъ ли дѣйствительно вызывается книгою В. О. Ключевского и въ рядъ ли составляло цѣль его. Обратившись по необходимости къ первому изъ четырехъ указанныхъ мною общихъ вопросовъ, онъ вполне рѣшилъ его, выяснилъ, какія задачи преслѣдовалъ древне-русскій агиобіографъ; строгая же критическая оцѣнка отдѣльныхъ житій расчистила почву для того, кто желалъ бы пользоваться житіями, какъ историческимъ источникомъ; и изслѣдователь не утверждаетъ

- Михаила и Θεодора Черниговскихъ (В. М. Ч.);
Моисея Новгородскаго (П. С. Р. Л-ры);
Никодима Кожеозерскаго (Пр. Соб. 1865, 1);
Иаисія Галицкаго (Пр. Соб. 1898, 7 8);
Иафлутія Боровскаго (Сбор. И.-ч. Об-ва при Ин-тѣ кн. Безбородко, II);
Петра царевича (Пр. Соб. 1859, 1);
Петра и Февроніи Муромскихъ (П. С. Р. Л-ры);
Прокосія Устюжскаго (О. Д. П.);
Саввы Вишерскаго (В. М. Ч.);
Сергія Радонежскаго (В. М. Ч., О. Д. П. и др.);
Стефана Комельскаго (О. Д. П.);
Стефана Пермскаго (П. С. Р. Л-ры);
Трифона Печенгскаго (Пр. Соб. 1859, 2);
Филиппа Иранскаго (О. Д. П.);
кн. Θεодора, Давида и Константина (В. М. Ч.).

полной непригодности ихъ въ этомъ отношеніи ¹⁾. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать, что послѣднее слово въ изслѣдованіи житій еще не сказано, если смотрѣть на житіе не какъ на *историческій источникъ*, а какъ на *литературный памятникъ*; если искать въ немъ не только фактическихъ данныхъ о жизни святаго, его дѣятельности и отношеніяхъ (въ этомъ именно смыслѣ говорилъ проф. Ключевскій объ „историческомъ источникѣ“): тотъ или другой характеръ назиданія, то или другое нравственно-религіозное мировоззрѣніе можемъ мы различать въ житіи и въ томъ случаѣ, когда оно бѣдно фактами и даже мало считалось съ ними. Потому изслѣдованіе житій въ этомъ направленіи возможно и послѣ книги проф. Ключевскаго. То же слѣдуетъ сказать и о легендарныхъ мотивахъ русскихъ житій; изслѣдовать ихъ литературную исторію совсѣмъ не входило въ задачу проф. Ключевскаго. Правда, легендарное содержаніе въ русскихъ житіяхъ представлено слабо: повидимому, преобладаніе назидательной цѣли, стремленіе восхвалить добродѣтель святаго, какъ образецъ для подражанія, вытѣсняли легенду. Тѣмъ не менѣе далеко не все, сюда относящееся, было предметомъ изслѣдованія ²⁾, а иное (какъ напр. Волоколамскій патерикъ, о которомъ см. въ 4-мъ „черкѣ“) и не обвародовано.

Эти соображенія заставили меня пересмотрѣть житійный матеріалъ и провѣрить степень, въ какой онъ является разработаннымъ ³⁾. Имѣя въ виду житіи именно какъ литературные памятники и съ другой стороны считая вопросъ о формѣ рѣшешнымъ, я не могъ задаваться

¹⁾ Попытку воспользоваться житіями, какъ историческимъ матеріаломъ, находимъ въ работѣ г. Коноплева: Святые Вологодскаго края (Чтенія . . 1895, 4 и отд.).

²⁾ Такъ, не выяснена литературная исторія легенды о прибытіи въ Новгородъ преп. Антонія Римлянина (въ житіи этого святаго).

³⁾ Указаніе того, что вообще сдѣлано по древне-русской литературѣ житій, см. А. Н. *Пытинъ*, Исторія русской литературы, I, 304—312; 317—318; IV, 602.

цѣлью сдѣлать полный и всесторонній обзоръ этой отрасли литературы; я держался въ сферѣ второй и третьей изъ намѣченныхъ мною выше категорій вопросовъ: это 1) изученіе легендарныхъ сюжетовъ житій и 2) изученіе отражаемаго ими религіознонравственнаго міровоззрѣнія. Различные памятники житійной литературы могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ: одни содержатъ легендарный матеріалъ, другіе представляютъ данныя для исторіи идей и взглядовъ.

Я могъ, по моему мнѣнію, содѣйствовать разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ этимъ двумъ областямъ и оказывающихся еще не рѣшенными или вызывающими перерѣшеніе. Вопросы эти являются независимыми другъ отъ друга, и такое положеніе дѣла обусловляло форму, въ которой я могъ изложить свои наблюденія надъ русскими житіями. форму отдѣльныхъ изслѣдованій, „очерковъ“. Первые четыре очерка составляютъ одну группу и посвящены изученію легендарныхъ житійныхъ мотивовъ, частью уже бывшихъ предметомъ изслѣдованій; и въ этой отдѣльной области я не могъ дать цѣльнаго обзора легендарнаго матеріала житій (хотя бы матеріала и не очень обширнаго), такъ какъ нѣкоторые мотивы уже достаточно истолкованы (какъ легенда о Петрѣ и Февроніи); а для выясненія всего того, что еще не выяснено или не вполне выяснено, я не имѣю достаточно данныхъ; но я считалъ себя въ правѣ изложить свои мнѣнія по выяснившимся для меня вопросамъ, вслѣдствіе ихъ взаимной независимости: каждый легендарный сюжетъ, какъ поэтический мотивъ, приходится изучать отдѣльно, слѣдя за его развитіемъ и пытаясь опредѣлить его мѣсто въ ряду параллельныхъ ему и родственныхъ литературныхъ явленій.

Что касается вопросовъ объ отражающемся въ житіяхъ нравственно-религіозномъ міровоззрѣніи, то съ этой точки зрѣнія мое вниманіе привлекли житія преподобническихія и святительскія, писанныя въ Московской Руси въ XV и XVI вѣкахъ; это эпоха наибольшаго развитія

даннаго рода литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха, когда, по моему мнѣнію, въ житіяхъ можно съ наибольшей ясностью усматривать слѣды извѣстнаго міровоззрѣнія, притомъ въ различныхъ житіяхъ различнаго; съ такой точки зрѣнія я рассматриваю указанные житія въ связи съ теченіями русской религіозной мысли данной эпохи, которыя извѣстны и достаточно выяснены въ исторической литературѣ. Это составило содержаніе пятаго очерка.

Такимъ образомъ, занявшись изученіемъ древне-русскихъ житій, я вынужденъ былъ силою вещей отбазаться отъ всесторонняго обзрѣнія предмета во всей его полнотѣ и посвятить свою работу дополненію прежнихъ изслѣдованій, иногда исправленію ихъ выводовъ, и потому придать ей характеръ отдѣльных „очерковъ“; они посвящены *непорѣшеннымъ вопросамъ русской житійной литературы*, бабіе для меня выяснились, и рѣшенію которыхъ я, по моему разумѣнію, могъ содѣйствовать.

